УДК 930.22(410+520) «1946/51»

ББК 63.3(4Вел)+63.3(5)

DOI 10.30792/2222-9175-2018-29-68-78

С. И. Кузнецов

ДИПЛОМАТИЯ БРИТАНСКОГО СОДРУЖЕСТВА В СОЮЗНОМ СОВЕТЕ ДЛЯ ЯПОНИИ (1946–1951 гг.)

Статья посвящена участию представителей Британского содружества в Союзном совете для Японии – консультационном органе, созданном по решению Московского совещания 1945 г. Показана позиция британских представителей по вопросам послевоенного устройства Японии, их взаимоотношения с американскими властями и советским представителем.

Ключевые слова: союзная оккупация Японии, Союзный совет для Японии, политика и дипломатия Британского содружества, Макмагон Болл.

S. I. Kuznetsov

THE BRITISH COMMONWEALTH'S DIPLOMACY IN THE ALLIED COUNCIL FOR JAPAN (1946–1951)

This paper is focused on the participation of the British Commonwealth's representatives in the Allied Council for Japan, a consulting body created in the aftermath of the 1945 Moscow Meeting. It reflects the position of British representatives on the postwar arrangement of Japan, their relationships with American authorities and the Soviet representative.

Keywords: Allied occupation of Japan, Allied Council for Japan, policy and diplomacy of the British Commonwealth, William Macmahon Ball.

Консультационный орган – Союзный совет для Японии был создан по решению Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Соединенного королевства, состоявшегося в декабре 1945 г. Состав его ограничивался четырьмя странами: США, СССР, Китаем и Великобританией. Последняя должна была одновременно представлять Австралию, Новую Зеландию и Индию. Функции Союзного совета определялись как консультативные: на главнокомандующего возлагалась обязанность консультироваться с советом по вопросам оккупационной политики в Японии. Но при этом отмечалось, что главнокомандующий является единственной исполнительной властью

Здание, в котором работал Союзный совет для Японии

союзных стран в Японии. Обязанность советоваться отнюдь не означала обязанности действовать в соответствии с полученными рекомендациями. Правда, каждому члену Совета предоставлялось право потребовать приостановить действия главнокомандующего и передать спорный вопрос в Дальневосточную комиссию. Однако реальными возможностями воздействовать на ход событий в Японии и контролировать ее послевоенное развитие обладал лишь главнокомандующий. Союзный совет располагался в здании Мэйдзи Сэймэй кан в районе Маруноути в центре Токио. С 5 апреля 1946 г. по 21 декабря 1949 г. Совет провел 102 регулярных и специальных заседания. Регулярные сессии проходили каждую среду. Все заседания были открыты для прессы [Hsu Immanuel 1951: 175].

Первое заседание Союзного совета состоялось 5 апреля 1946 г. В его состав вошли председатель – генерал Д. Макартур (вскоре он, ссылаясь на занятость, передал руководство совета своему заместителю – генерал-майору У. Макуорту, а позже Джорджу Атчесону. В августе 1947 г. после гибели Атчесона в авиакатастрофе пост перешел к Уильяму Себолду), советский представитель – генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, представитель Китая – генерал-лейтенант Чжу Ши мин. Представителем Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Индии в Союзном совете стал 45-летний австралийский профессор Макма-

гон Болл. Причины своего назначения на этот пост он видел в новом развитии ситуации в Британском содружестве: «Австралия первоначально надеялась, что Союзный совет будет включать представителей одиннадцати стран – участниц войны. Советский Союз выступал за представительство четырех главных союзников, в то время как Великобритания, признавая особую заинтересованность Австралии в делах в Тихом океане, согласилась на ее представителя в совете с тем, чтобы он выражал и ее интересы. Новая Зеландия и Индия поддержали это решение» [Ball 1949: 21–22]. Каждый из членов Совета имел небольшой штат помощников и консультантов. Важнейшей задачей послевоенных преобразований в Японии было недопущение агрессии

К. Деревянко, Дж. Атчесон, китайский член Совета

Генерал Д. Макартур

Советский член Союзного совета генерал-лейтенант К. Н. Деревянко

с ее стороны в будущем. К этому, хотя и с некоторыми оговорками относительно собственных интересов в Тихом океане, стремились все страны-союзницы. По другим же вопросам согласия достичь было нелегко.

Лучше всего деятельность совета охарактеризовал член китайской делегации, будущий профессор Гарварда И. Сю, в течение двух лет в составе китайской делегации присутствовавший на большинстве заседаний: «Возможно, самой яркой характеристикой этого совета был паралич, от которого он страдал в течение большей части своего существования. Другие международные органы аналогичного характера, возможно, и не доказали свою безусловную эффективность, но неэффективность Союзного союза для Японии является выдающейся. Из шестидесяти четырех совещаний, состоявшихся между 7 августа 1947 г. и 21 декабря 1949 г., когда советский делегат вышел из Совета, пятьдесят три были отложены председателем менее чем через минуту после того, как они начались» [Hsu Immanuel 1951: 173]. Почему этот Совет функционировал так неэффективно? Безусловно, важнейшей причиной был диктат американских властей, которые в лице генерала Д. Макартура желали решать все вопросы послевоенного устройства Японии единолично. Это встретило противодействие не только основного противника такой политики – советской стороны, но и представителей других стран – членов Совета. И. Сю считал, что причина лежала в силовой политике, участвовавших в совете стран. «Изначально создание этого совета было не актом добросовестного международного сотрудничества, но неохотным компромиссом между различными заинтересованными странами. Все дискуссии отражали политику и интересы стран-членов в отношении Японии. Британские, китайские и советские члены, желая более существенной роли в проведении оккупационной политики, стремились расширить функции совета в максимальной степени, разрешенной

сроком полномочий. С другой стороны, американский председатель, представляющий верховного главнокомандующего союзными державами, с большим успехом старался ограничить функции Совета в самых узких пределах, сводя к минимуму его решения по поводу оккупационной политики. Похоже, что эти две силы составляли что-то вроде баланса в Совете, пока его 38-е заседание не нарушило этот баланс. С тех пор Совет был в ошеломленном состоянии» [Ibid.].

Формально совет существовал вплоть до 1951 г., до подписания Сан-Францисского мирного договора, хотя фактически его деятельность была свернута задолго до этого. Согласно правилам процедуры, принятым Советом 4 сентября 1946 г., вопросы, предлагаемые для обсуждения, могли относиться к любой сфере оккупационной политики. Обычная практика состояла в том, чтобы члены уведомили председателя за пять дней до запланированного совещания об их желании обсудить те или иные конкретные темы. При этом на встрече с председателем или экспертами штаба оккупационных сил предоставлялись необходимые данные и информация и последующая дискуссия могла привести к выработке рекомендаций оккупационным властям. Часто оккупационные власти представляли отчеты и запрашивали комментарии или рекомендации. Однако после тридцать восьмого совещания, когда свобода участников предлагать темы для обсуждения была строго ограничена, резко сократилось количество предложенных для обсуждения тем. В ходе дискуссий в Совете были выработан и представлен властям ряд предложений и рекомендаций, но независимо от того, были ли они приняты и реализованы, командование оккупационными силами не сообщало об их судьбе. Отвечая на вопрос, заданный по этому поводу советским членом совета на тринадцатом заседании, председатель сказал: «...окончательное действие Верховного главнокомандующего отражает принятые им рекомендации ...» [Ibid.: 175]. Тем самым американские власти еще раз давали по-

нять, что окончательное решение всех вопросов в Японии принадлежит только им.

Наиболее активно противодействовал этому диктату советский представи-

Предполагаемые зоны союзной оккупации (на 16 августа 1945 г.)

тель – генерал-лейтенант К. Н. Деревянко. По ряду вопросов независимую позицию занимал английский представитель. Реже всех выступал китайский делегат.

Наиболее заметной фигурой среди представителей Британского содружества в Совете был Уильям Макмагон Болл.

Уильям Макмагон Болл (1901–1986) родился 29 августа 1901 г. в Кастертоне, штат Виктория, в семье священнослужителя англиканской церкви Джона Обри Болла. Вскоре семья переехала в Мельбурн, где будущий профессор политологии, дипломат, журналист и радиоведущий поступил в гимназию Колфилда. В 1923 г. М. Болл поступил в Мельбурнский университет. После окончания университета М. Болл остался в нем преподавателем психологии, логики и этики. В 1929 г. он выиграл стипендию Рокфеллера по политологии, что позволило ему учиться у известного британского политолога, политического теоретика и эконо-

М. Болл

номиста Гарольда Ласки в Лондонской школе экономики и политических наук. С 1930 г. Ласки перешел на социалистические и марксистские позиции, став одним из наиболее видных британских политиков-социалистов межвоенного периода; в своих статьях делал активные намеки на необходимость вооруженного восстания рабочих для смены общественного строя и ввел понятие «кризис демократии». Это обстоятельство, а также наблюдения за политической жизнью Европы начала 30-х гг. оказали существенное влияние на мировоззрение молодого австралийца. В 1932 г. М. Болл вернулся в Мельбурнский университет в качестве лектора политической философии и современных политических институтов. Благодаря блестящей подготовке и либеральным взглядам, он стал очень популярной фигурой среди студентов. Друг и биограф М. Болла Питер Райан писал, что «авторитет Болла неуклонно рос все последующее десятилетие, полное драматических событий, приведших ко второй мировой войне: гражданская война в Испании, режимы Гитлера, Муссолини и Сталина, агрессия Японии в Китае; в Австралии – депрессия, поражение премьера Нового Южного Уэльса Джека Ланга на выборах и создание радикальной Новой гвардии. В эти беспокойные и жестокие годы голос М. Болла был спокойным и разумным» [Australian Dictionary... 1947]. Продолжая преподавать в университете, Болл начинает вести радиопередачи, публикует множество статей на международные темы в «Мельбурн Геральд». Исследуя

проблемы разоружения и мирного урегулирования международных конфликтов, Болл издает свою первую книгу [Ball 1936]. Впрочем, вскоре после того, как он стал свидетелем немецкой оккупации Судетской области, увидел концлагерь Заксенхаузен, он расстался со своими иллюзиями.

В годы войны М. Болл приобретает широкую известность как радиоведущий и один из руководителей радиовещания в Австралии. Приглашенный премьер-министром Робертом Мензисом, в феврале 1940 г. М. Болл был назначен в Департамент информации ответственным за радиовещание. В июне он стал ответственным исключительно за коротковолновое вещание. Он также возглавлял команду, которая контролировала зарубежные трансляции, руководил информационно-пропагандистскими службами страны, направленными как на дружественные, так и нейтральные и вражеские страны в регионе. Ведя трансляцию за рубеж, М. Болл избегал вопиющей дезинформации и грубой ненависти и, таким образом, приобрел авторитет и доверие слушателей.

В 1945 г. М. Болл вернулся в свой университет в качестве старшего преподавателя кафедры политологии. Он написал введение к книге выступлений министра иностранных дел Австралии Герберта Эватта «Внешняя политика Австралии» (1945). В том же году в составе ближайшего окружения Г. Эватта он участвовал в конференции Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско. М. Болл далеко не во всем поддерживал своего патрона и его методы, тем не менее Г. Эватт отправил его в ноябре 1945 г. в Индонезию в качестве специального представителя.

Назначение М. Болла членом Союзного совета для Японии от Британского содружества оказалось для него большой неожиданностью. Инициатором этого был все тот же Г. Эватт, его поддержал и премьер-министр Бен Чифли. М. Болл приступил к работе в Токио 3 апреля 1946 г. «Наша первоочередная задача в

Японии, – писал М. Болл, – не допустить возрождения японского экспансионизма. При этом мы должны предпринять все что в наших силах для улучшения благосостояния японского народа. Не будет стабильности и мира в Восточной Азии, если Япония останется в бедности и упадке... В то же время выздоровление японского общества, особенно в экономической и социальной сферах, немыслимо в обстановке, когда Япония превратится в пешку в стратегическом противостоянии США и Советского Союза» [Ball 1949: 7].

Первое заседание Совета состоялось 5 апреля 1946 г., на нем было оглашено заявление советского представителя К. Н. Деревянко по поводу выборов в японский парламент [Внешняя политика Советского Союза... 1953: 638]. Собственно говоря, если у кого-то оставались иллюзии относительно возможного согласия между вчерашними союзниками, то они вскоре окончательно рассеялись. Позиция США, которую со всей определенностью донес до членов Союзного совета генерал Д. Макартур, сводилась к следующему: все решения по Японии принимаются штабом Верховного главнокомандующего, Союзный совет – лишь консультативный орган, рекомендации которого не обязательны для исполнения. Марк Гейн, корреспондент газеты «Чикаго сан», в своем дневнике писал: «То, что происходит в Совете, часто находится совершенно вне его контроля. Совет был создан для того, чтобы обеспечить генералу Д. Макатуру услуги международных советников в такой момент, когда наши взаимоотношения с Россией столь натянуты, что ни одно русское предложение, вероятно, не будет принято, и когда генерал Д. Макартур рассматривает любой намек на критику медленного развития Японии как личное оскорбление» [Гейн 1951: 351]. Американский военный историк Дж. Клейтон пишет: «Проницательный австралиец М. Болл был уверен – политика оккупационной администрации в Японии строится на ошибочных, чисто военных подходах главенства военной организации

и военной иерархии. В такой атмосфере нет места демократической процедуре. Военным по их природе чужды индивидуальность, независимость, свобода дискуссии и атмосфера равенства, в которых и создается ткань демократии» [Clayton 1985: 180]. В отечественной литературе советского времени позиция М. Болла в Союзном совете в условиях «зависимости английской внешней политики от Уолл-стрит и традиционной привязанности английской буржуазии ко всякой реакции» характеризовалась как колеблющаяся. «Представитель Британской империи Макмагон Болл неоднократно выступал с протестами против действий американского оккупационного командования в Японии, подчеркивая, что вся линия поведения американских властей наносит вред интересам Британской империи. “Строптивый” австралиец настолько надоел не терпящим возражений американским милитаристам, что они потребовали снятия М. Болла и замены его каким-нибудь более покладистым “британцем”» [Аварин 1952: 456]. Эти американские «требования» никакими источниками не подтверждаются. С другой стороны, Болл сам тяготился своим положением и обстановкой в совете. В одном из первых официальных сообщений в австралийское Министерство иностранных дел Болл пишет: «После моего доклада на заседании Совета 19 апреля 1946 г. я бы хотел поделиться некоторыми личными размышлениями о развитии ситуации здесь. Я чувствую, что моя основная проблема как члена Совета от Британского содружества заключается в поиске способа, которым я смогу выражать фундаментальное единство интересов между Соединенными Штатами и Британским содружеством и в то же время поддерживать надлежащее положение и достоинство совета.

Я признаю важность того, чтобы избегать каких-либо заявлений или действий, которые могут быть истолкованы как нарушение единства Британского содружества и Соединенных Штатов. Я полагаю, что Британское содружество не

должно предпринимать какие-либо действия, которые бы свидетельствовали о нашем нежелании признать ведущую роль Соединенных Штатов в разгроме Японии. Поскольку Япония является лишь небольшой частью мира, и исходя из того что Соединенные Штаты полностью сотрудничают с Британским содружеством по другим основным международным вопросам, может ли быть принято решение о том, что Британское содружество должно взамен воздерживаться от каких-либо заявлений, которые могут быть истолкованы как критические в отношении оккупационной политики Верховного главнокомандования, даже в тех случаях, когда наша позиция отлична от его постановлений.

Но все, что происходит здесь с момента моего прибытия, говорит лишь об одном – Верховное главнокомандование союзными силами пренебрегает деятельностью совета и стремится сделать его второстепенным институтом в политике союзных держав в Японии. Поведение представителей Верховного главнокомандования на заседаниях Совета, как представляется, было направлено на то, чтобы сделать совет объектом насмешек и презрения. Трудно передать полное впечатление, оставшееся от высокомерного поведения генерала К. Уитни, который принял участие в двух встречах в качестве представителя Верховного главнокомандования.

Генералу К. Уитни было предложено принять участие в работе заместителем председателя генерала У. Маркуэта. Трудно понять, связана ли политика Верховного главнокомандования с враждебностью по отношению к Совету как таковому, или с какой-то фанатичной враждебностью по отношению к российскому члену Совета, в любом случае, эти чувства могут и объединяться. Результат же один и тот же: прямые оскорбления позиций и персонально членов Совета; явное отрицание полномочий, которыми наделен Совет. Возможно, в долгосрочной перспективе может произойти и что-то более серьезное, чем непосред-

ственное воздействие на работу Совета, что окажет влияние на взаимоотношения всех четырех сторон (США, Британского содружества, СССР и Китая).

На первых трех заседаниях Совета российский член вел себя с безукоризненной вежливостью, достоинством и сдержанностью. Представители же Верховного главнокомандования нападали на него безо всякого повода. К сожалению, я несколько раз был вынужден поддерживать российского члена, потому что, поддерживая США, я полагал необходимым сохранить авторитет Совета. Если заседания Совета будут продолжены в атмосфере первых сессий, они, как правило, будут порождать конфронтацию, а не сотрудничество между Верховным главнокомандованием и членами Совета...

Если каждое заседание будет использоваться Верховным главнокомандующим для публичной демонстрации неуважения к Совету и враждебного отношения к России, лучше избегать заседаний Совета. Глядя на эту ситуацию из Токио [и без] знаний, чтобы взвесить ее против широко связанных ситуаций в других местах, я чувствую, что это важно для Британского содружества – член должен быть проинструктирован эффективно и решительно добиваться того, чтобы Совету был обеспечен статус, данный при создании, и я считаю, что такое заявление может быть поддержано Россией и Китаем» [Australian Government 1946].

М. Гейн, непосредственно наблюдавший ситуацию на первых заседаниях Совета, отмечал: «Болла многие из нас считают одним из самых блестящих дипломатов в официальном мире Токио», но при этом «Боллу приходится трудно в Совете, так как британская политика параллельна нашей, но он никогда не может забыть, что он также является представителем Австралии, которая в настоящий момент смотрит на Японию иначе, чем мы. Кроме того, он придерживается того непопулярного мнения, что нападки на русских – опасная игра, независимо от того, вызваны они чем-нибудь или нет» [Гейн 1951: 349]. Очевидно, что для

М. Болла достаточно грубые методы генерала Д. Макарута, привыкшего к приказам и обязательному их исполнению, были неприемлемы. «Наше затруднение, – говорил М. Болл, – заключается в том, что совершенно бесполезно представлять Совету какую-либо фактическую информацию, так как ее немедленно начинают рассматривать как оскорбление, нанесенное Верховному главнокомандующему. Я перестал говорить о каких-либо фактах, так как это всегда заставляет Джорджа [американского представителя Атчесона] нападать на меня» [Там же]. Независимая позиция М. Болла, его насмешливые манеры университетского профессора вызвали недовольство американских представителей. «Болл раздражает генерала Д. Макарута и Атчесона. Они считают, что он должен быть в Совете их лояльным союзником, не задающим лишних вопросов. Их сердит его независимый вид и высказываемые им время от времени едкие комментарии к некоторым из наиболее неумеренных претензий американского штаба. Д. Атчесона раздражают также светские манеры и остроумие М. Болла» [Там же: 350]. Видимо, советско-американское противостояние в Совете, усугубляемое независимой позицией М. Болла, побудили госсекретаря США Дина Атчесона назвать Союзный совет «местом желчных пикировок, которое находится в умирающем состоянии» [Asheson 1969: 428]. В. Я. Аварин назвал эту позицию представителя Британского содружества «бунтом на коленях», который иногда происходил и после удаления Болла из Совета [Аварин 1952: 464].

Наиболее активно М. Болл выступал в дебатах, касающихся демилитаризации Японии. В частности, сходной была позиция советского члена Союзного совета К. Н. Деревянко и М. Болла по вопросу роспуска комиссии по изучению опыта тихоокеанской войны, существовавшей при японском правительстве. По их предложению комиссия была распущена. Критике была подвергнута деятельность управлений по демобилизации армии и флота. М. Болл поднимал в Совете вопрос

о критическом положении в Японии с продовольствием. Об этом же он писал 6 мая 1946 г. в докладе австралийскому МИДу: «Критическая нехватка продовольствия, по-видимому, будет развиваться в городских районах Японии с настоящего момента до конца сентября. Как было признано представителем Верховного главнокомандования на последнем заседании совета, причина не в дефиците сельскохозяйственных продуктов, а в чрезмерных запасах, сделанных в сельских районах, и развитии черного рынка. В Токио 40 процентов продовольствия, потребляемого населением за последние семь месяцев, было куплено на черном рынке. Оккупационные власти подсчитали, что сельскохозяйственное производство Японии позволит в среднем обеспечить только 471 калорию в сутки для жителей городских районов в течение следующих пяти месяцев. Некоторые из офицеров считают, что потребление 1550 калорий необходимо для предотвращения недоедания [и беспорядков]. Для достижения этого уровня необходимо поставить в Японию около 2600000 тонн продовольствия до конца сентября. Как сообщается в моем докладе, я поднял вопрос о продовольствии на последнем заседании Совета, но председатель твердо заявил, что вопрос о ввозе продовольствия в Японию не имеет значения для Совета» [Australian Government 1946]. Важнейшим вопросом М. Болл считал статус оккупационных сил, продолжительность союзной оккупации и формы последующего контроля над Японией. В одном из его выступлений в Совете говорилось: «Японскому народу не сообщили, как долго будет продолжаться оккупация или контроль союзников. На мой взгляд, это незнание намерений союзников создает препятствия для успешного применения союзнической политики. Надежда на то, что оккупация будет короткой, побуждает милитаристов и реакционеров теперь тайно планировать восстановление своей власти, как только выйдут союзники. Страх, что оккупация будет короткой, отпугивает радикальных и либеральных деятелей от открытой

инициативы и лидерства, поскольку есть опасения, что как только оккупация закончится, прежние лидеры восстановят свою власть. Я считаю, что крайне важно, чтобы было сделано официальное заявление союзников, в котором безо всякой двусмысленности декларировалось намерение союзников сохранить контроль над Японией, скажем, на 30 лет. При этом я бы подчеркнул, что существует различие между длительной оккупацией и длительным контролем. Военная оккупация в настоящее время – это лишь сумма методов, с помощью которых союзники могут осуществлять контроль. Методы контроля могут быть изменены, чтобы соответствовать новой обстановке. Успешное завершение важнейшего этапа оккупационного периода делает естественным переход от военного к гражданскому контролю» [The British Commonwealth 1946].

М. Болл был рьяным сторонником аграрной реформы в Японии. Он считал, что «освобождение крестьян должно быть первым и наиболее важным шагом в программе экономического и духовного освобождения японского народа. Важность преобразований не только в количестве крестьян (около половина населения на 1945 г.), но в том, что такое положение тормозит развитие японского общества. Невозможно построить демократию на основе сельского крепостного права» [Clayton 1985: 184–185]. Кстати, именно М. Болл предложил разработанную им компромиссную схему аграрной реформы, которая устроила и советского представителя, и американские оккупационные власти [Beloff 1953: 123]. Среди предложений, подготовленных его экономическим советником Эриком Вардом, были статьи, касающиеся сокращения предельного количества участков в руках землевладельцев, размеров платежей по аренде, регламентации контрактов и др. [Finn 1992: 130]. Как справедливо отмечал австралийский историк Джеффри Болтон, «на практике вскоре выяснилось, что американцы сдерживали деятельность совета в своих интересах. Поскольку австралийские газеты и радио, как и весь

остальной мир, в значительной степени зависели от американских источников информации о событиях в Японии, было мало шансов как-то стимулировать общественное мнение в Австралии, чтобы оспаривать позицию Макартура и, следовательно, оказывать политическое давление. В такой ситуации Макмагон Болл и его советники могли оказать какое-либо влияние на японские события в 1946–1947 гг. лишь в тех узких областях, где компетенция и опыт Австралии что-то значили. Одной из таких областей была земельная реформа» [The British Commonwealth 2013: 58–59].

М. Болл не был прямым сторонником советского представителя в Союзном совете, более того – он весьма скептически относился к коммунистическим идеям. Отстаивая свои позиции, за что он приобрел у руководства оккупационных властей репутацию «надоедливой мухи», М. Болл следовал своему христианскому воспитанию, либеральным взглядам, глубоким знаниям в области политической науки [Finn 1992: 153–154]. В письме министру иностранных дел Австралии Г. Эватту он подчеркивал, что поддерживает советского представителя только в силу схожести позиций по некоторым конкретным вопросам: «Я считаю, что есть весомые основания для скептицизма К. Н. Деревянко о некоторых из мероприятий Верховного главнокомандования союзных сил в политике оккупации. Тем не менее он склонен предъявлять обвинения в таких туманных формах и защищать свое расследование такими неосуществимыми методами, что редко можно поддержать его критику или рекомендации в том виде, в котором он их делает» [Australian Government 1946].

М. Болл ушел в отставку с поста представительства содружества в Союзном совете в августе 1947 г. Вероятно, одной из важных причин отставки было то, что американские власти так и не дождались от Болла безоговорочной поддержки их политики в Японии. С другой стороны, были и иные причины, в т. ч. и внутренняя неудовлетворенность Болла

своей работой в Токио. П. Райан писал, что место М. Болла в Совете «было уникальным признанием роли Австралии во второй мировой войне, а также признанием его личных качеств и авторитета. Но для него это было несчастливое время. Генерал Дуглас Макартур, единовластный Верховный главнокомандующий союзными державами, мало интересовался делами Совета; британцы не поддерживали своего представителя в Совете; и Эватт, как обычно, был непоследователен и коварен» [Australian Dictionary...]. Что касается Эватта, то он, разумеется, не имел самостоятельной позиции, на запросы и довольно резкие письма М. Болла из Токио отвечал уклончиво, консультировался с Лондоном и выжидал. «Ответы Макартура на запросы России по предварительной информации в целом удовлетворительные, и разумная линия, которую вы приняли на первом совещании, по-прежнему наиболее приемлема. Что же касается взгляда Д. Макартура на степень авторитета Совета, мы согласны с вами и придерживаемся наших предварительных взглядов, переданных в Лондон и повторяющих ваши. Мы ценим ваше мнение, что авторитету Совета делается вызов, и сочувствуем вам в вашем нынешнем трудном положении. Тем не менее поспешные действия в Токио не помогут нам достичь приемлемого решения. Принцип участия союзников в контроле над Японией – этот вопрос имеет большое значение и должен быть предметом тщательных консультаций между четырьмя заинтересованными правительствами стран Британского содружества», – отвечал Г. Эватт М. Боллу [Australian Government 1946].

Пост представителя в Совете занял другой австралиец – молодой профессиональный дипломат Патрик Шоу (1913–1975). П. Шоу «энергично, хотя и безуспешно, старался не допустить, чтобы генерал Дуглас Макартур игнорировал взгляды Австралии на политику восстановления оккупированной Японии» [Australian Dictionary...]. В частности, на заседании Совета 5 января 1949 г.

при обсуждении вопроса «О японской полиции», включенного в повестку по предложению советского члена Совета, П. Шоу «высказал пожелание о необходимости предотвращения того, чтобы японские полицейские силы стали зародышем национальной армии и жандармерии» [Внешняя... 1953: 262]. Впрочем, его пожелание, так же как и сокрушения генерала Деревянко по поводу увеличения полицейских сил Японии более чем в 2,5 раза с момента капитуляции, осталось без внимания. П. Шоу, подобно М. Боллу, с известным скепсисом наблюдал за действиями старшего атлантического партнера. 30 сентября 1947 г. он писал премьер-министру Австралии Бену Чифли: «В моем письме от 16 сентября 1947 года я заметил резкое антисоветское настроение, которое так открыто проявлялось большинством сотрудников Верховного главнокомандующего союзными державами в Японии. После установления более тесных контактов с высокопоставленными американскими офицерами в Японии меня еще больше поразили их планы... Генералы в штабе Верховного главнокомандующего союзными силами единодушны и откровенны в выражении своих убеждений в том смысле, что опасности и беспорядки в современном мире в конечном итоге происходят по вине СССР и что единственный способ борьбы с коммунистами – это уничтожить их, и что США должны сделать это, используя атомное оружие против СССР. С этой целью американские бомбардировщики ВВС обосновываются как в Европе, так и на Дальнем Востоке. В настоящее время их усилия сосредоточены на создании эскадрилий Б-52, способных нести атомные бомбы... Представители армии США и ВВС здесь, по-видимому, считают, что боевая мощь СССР может быть уничтожена в один прекрасный день атомной бомбардировкой двухсот основных советских городов и промышленных объектов. Большинство из них возможно будет достичь из Западной Европы, с баз в Германии. В Тихом океане основной базой остаются острова Гуам и Окина-

ва, а главные острова Японии считаются промежуточными пунктами... У меня сложилось впечатление, что в Нагое... авиация США уже имеет около девяти атомных бомб. Эффективная дальность воздушного судна Б-29 составляет 3000 миль, и американцы хвастаются тем, что есть много американских добровольцев из школы «kamikaze», чтобы совершить полет в одном направлении... Американское руководство здесь считает, что СССР еще не обладает атомными бомбами, но в конечном итоге сделает их. Говорят, у них есть подробные приказы о нападении на СССР, которые они могут реализовать по своей собственной инициативе в случае какой-то катастрофы, даже до решения Вашингтона или президента. Они убеждены, что политика нападения на СССР не будет противоречить нынешнему состоянию общественного мнения в Соединенных Штатах» [Australian Government 1947].

С 1949 г. Британское содружество в Совете представлял австралийский полковник Уильям Рой Ходжсон (1913–1975). Он, как и П. Шоу, пытался показать свою самостоятельность, хотя, может быть, и не так активно, как М. Болл.

М. Болл же вернулся в Мельбурн. Он согласился выполнить еще одно поручение Г. Эватта – в 1948 г. возглавил миссию доброй воли в Юго-Восточной Азии. Позже М. Болл был международным обозревателем в «Мельбурн Геральд», наконец вернулся на кафедру политологии в Мельбурнский университет, где работал вплоть до выхода на пенсию в 1968 г. Умер М. Болл в 1986 г. в Гейдельберге.

У. Ходжсон

7 папок материалов, касающихся деятельности М. Болла в Союзном совете и включающих его переписку (в т. ч. с Д. Макартуром), различные материалы по послевоенной Японии хранятся в Австралийской национальной библиотеке (National Library of Australia. MS 7851).

Союзный совет для Японии возник в результате осознания необходимости переговоров и компромиссов в отношениях между вчерашними союзниками. М. Болл отмечал, что ситуация в Японии конца 40-х гг. – в числе мировых проблем. И важно, что запад здесь пытается работать с Россией в целях мирного строительства и установления дальнейшего контроля над Японией [Ball 1949: 194]. В то же время Совет стал зеркалом, отражающим политические реалии того

времени. Говоря об участии стран Британского содружества в оккупации Японии, необходимо отметить одну особенность: кроме войск стран содружества и США в ней не было участия других стран, которые сражались в войне на Тихом океане. Нельзя сказать, что между Верховным главнокомандованием оккупационными войсками и командованием войск Британского содружества не было никаких трений, но случаи эти были в основном незначительные. Более того, содружество не стремилось управлять японской территорией или вмешиваться в дела американских военных, которые имели административную ответственность даже в тех префектурах, где размещались войска Британского содружества [The British Commonwealth 2013: 3].

Литература

- Аварин В. Я. Борьба за Тихий океан / В. Я. Аварин. – М.: Госполитиздат, 1952.
- Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1946 год. – М., 1952.
- Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1949 год. – М.: Госполитиздат, 1953.
- Гейн Марк. Японский дневник / Марк Гейн; пер. с англ. – М.: Иностранная литература, 1951.
- Asheson Dean. Present at the Creation. My Years in the State Department [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – N. Y; L.: Norton Co., 1969.
- Australian Dictionary of Biography. P. Shaw [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adb.anu.edu.au/biography/shaw-sir-patrick-11667>.
- Australian Dictionary of Biography. W. M. Ball [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adb.anu.edu.au/biography/ball-william-macmahon-12166>.
- Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Documents. 1946 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-09/191-ball-to-department-of-external-affairs.aspx>.
- Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Historical Documents. 1947 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-12/224-shaw-to-chifley.aspx>.
- Ball W. M. Possible peace / W. M. Ball. – Melbourne: University Press, 1936.
- Ball W. M. Japan: Enemy or Ally? / W. M. Ball. – N. Y.: The John Day Company, 1949.
- Beloff Max. Soviet Policy in the Far East 1944–1951. – L.: Oxford Univ. Press, 1953.
- Clayton James D. The Years of MacArthur. Vol. 3. Triumph and Disaster. 1945–1964. – Boston: Houghton Mifflin Company, 1985.
- Finn Richard B. Winners in Peace. MacArthur, Yoshida and Postwar Japan. – Berkeley: Univ. of California Press, 1992. – P. 130.
- Hsu Immanuel C. Y. Allied Council for Japan / C. Y. Hsu Immanuel // The Far Eastern Quarterly. – 1951. – Vol. 10. – No. 2.
- The British Commonwealth and the Allied Occupation of Japan, 1945–1952. Personal Encounters and Government Assessments / ed. by Ian Nish. – Leiden; Boston: Global Oriental, 2013.